

ОСНОВНЫЕ МОДЕЛИ ГЛОБАЛЬНОЙ ДЕМОКРАТИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Николай Александрович Шавеко,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
Екатеринбург, Россия,
shavekonikolai@gmail.com

Получена 16.04.2023.

Поступила после рецензирования 26.06.2023.

Принята к публикации 08.08.2023.

Для цитирования: Шавеко Н.А. Основные модели глобальной демократии: теоретический анализ // Дискурс-Пи. 2023. Т. 20. № 3. С. 10–25. https://doi.org/10.17506/18179568_2023_20_3_10

Аннотация

Цель статьи состоит в рассмотрении возможных демократических форм решения глобальных проблем человечества: односторонние действия демократических государств, заключение межгосударственных союзов и договоров, развитие глобального гражданского общества, создание надгосударственной (глобальной) демократической публичной власти. Автором анализируются фундаментальные проблемы, свойственные каждой из указанных форм. В частности, утверждается, что поскольку глобализация создает угрозу национальным демократиям, демократическое решение глобальных проблем предполагает выход за пределы национального уровня. В то же время межгосударственное сотрудничество также имеет принципиально недемократический характер, поскольку ни содержание договоров, ни неравенство переговорных возможностей при их заключении неподконтрольны какой-либо надгосударственной инстанции. Аналогичным образом демонстрируется принципиальная недемократичность глобального гражданского общества, на которое делают ставку многие исследователи, разрабатывая концепции транснациональной демократии. Отстаивается принципиальная возможность построения глобальной демократии

© Шавеко Н.А., 2023

в виде надгосударственной публичной власти. В качестве примера рассматривается модель всемирной республики О. Хёффе. Акцентируется внимание на необходимости развития космополитических (глобальных) добродетелей и идентичности, без которых любая попытка демократического решения глобальных проблем обречена на провал. Утверждается, что космополитическая идентичность и связанные с ней добродетели на теоретическом уровне сами по себе не противостоят национальным и локальным идентичностям. Делается вывод, что принципиальные трудности, с которыми может столкнуться каждая из рассмотренных моделей решения глобальных проблем с точки зрения демократического идеала, указывают на необходимость разработки интегративной модели глобальной демократии.

Ключевые слова:

глобальная демократия, транснациональная демократия, космополитическая демократия, глобальные проблемы, космополитизм.

UDC 327.7

DOI: 10.17506/18179568_2023_20_3_10

BASIC MODELS OF GLOBAL DEMOCRACY: THEORETICAL ANALYSIS

Nikolai A. Shaveko,

Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Ekaterinburg, Russia,
shavekonikolai@gmail.com

Received 16.04.2023.

Revised 26.06.2023.

Accepted 08.08.2023.

For citation: Shaveko, N.A. (2023). Basic Models of Global Democracy: Theoretical Analysis. *Discourse-P*, 20(3), 10–25. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2023_20_3_10

Abstract

The purpose of the article is to consider possible democratic forms of solving global problems: unilateral actions of democratic states, making interstate alliances and treaties, development of global civil society, establishing supranational (global) democratic public power. Fundamental weaknesses inherent in each of these forms are analyzed. In particular, it is argued that since globalization poses a threat to national democracies, a democratic solution to global problems involves going beyond the national level. At the same time, interstate cooperation also has a fundamentally undemocratic character, since neither

the content of treaties, nor the inequality of negotiating opportunities at their conclusion, are under the control of any supranational authority. Similarly, the fundamentally undemocratic nature of global civil society is demonstrated, which many authors rely on when developing concepts of transnational democracy. The fundamental possibility of building a global democracy in the form of a supranational public authority is defended. As an example, the model of the world republic by Otfried Höffe is considered. Attention is focused on the need to develop cosmopolitan (global) virtues and identity, without which any attempt to have a democratic solution to global problems is doomed to failure. It is argued that on the theoretical level, cosmopolitan identity as such and the virtues associated with it are not opposed to national and local identities. It is concluded that in terms of the democratic ideal, the fundamental difficulties that each of the considered models of solving global problems may face show the need to develop an integrative model of global democracy.

Keywords:

global democracy, transnational democracy, cosmopolitan democracy, global issues, cosmopolitanism.

Введение

В конце XX – начале XXI вв. велись активные дискуссии о глобализации, это понятие прочно вошло в научный лексикон. Однако сегодня все чаще звучит термин «деглобализация». На экономику оказал влияние мировой финансовый кризис 2008 г., пандемия коронавируса 2020–2021 гг., на политику – рост международной напряженности и выстраивание новых политических блоков, причем новая холодная война очень быстро переросла в «горячую». Каковы бы ни были причины, в настоящее время глобализация уже не выглядит неизбежным трендом.

Но даже если глобализация ставится под сомнение, глобальные проблемы человечества остаются. В первую очередь это угроза ядерной войны и различные экологические проблемы, связанные с изменением климата и загрязнением окружающей среды. Пандемия коронавируса напомнила, что распространение заболеваний также имеет глобальную значимость. То же самое можно сказать о проблемах трансграничной преступности, в том числе терроризме и киберпреступности. А на появление заболеваний и рост преступности влияет экономическое неравенство, нищета глобального Юга. Наконец, общей для всего мира стала и проблема неконтролируемой миграции.

Все эти проблемы требуют общих решений. Но при этом мы привыкли думать, что такие решения должны приниматься демократически. Действительно, несмотря на всю критику в адрес демократии, она все еще претендует на статус важнейшего политического идеала. И хотя эффективность управления и качество решений могут варьироваться и при демократии, и при недемократии, демократические способы принятия решений имеют также внутреннюю (процедурную) ценность, связанную с выражением идеалов политического самоуправления и равенства. Применительно к глобальному уровню и глобальным проблемам

демократичность принятия решений особенно важна потому, что вероятные негативные последствия злоупотреблений властью будут иметь больший масштаб и могут поставить под угрозу существование человечества. Вот почему на рубеже XX–XXI вв. в западной политической науке много говорилось о глобальной (транснациональной, космополитической) демократии и предлагались самые разные модели ее построения.

Настоящая статья имеет целью осуществить анализ основных типов этих моделей, выявить принципиальные проблемы с точки зрения демократичности, с которыми может сталкиваться их реализация на практике, с учетом известных сегодня наиболее общих фактов о глобализации и глобальных проблемах. При этом, конечно, не имеется в виду, что глобальные проблемы могут быть решены только демократическим путем, однако предполагается, что данный путь является наиболее предпочтительным.

Мы полагаем, что в зависимости от того, какой способ решения глобальных проблем видится основополагающим, различные модели глобальной демократии, предложенные западными теоретиками, можно разделить на предлагающие создавать наднациональные публично-властные институты (Д. Хелд, Д. Аркибуджи и др.), развивать межгосударственное сотрудничество (У. Бек, Р. Кохан и др.), развивать институты гражданского общества, движения и сообщества различных уровней (У. Коннолли), в том числе с опорой на совещательные механизмы (Дж. Драйзек). Представители каждого из указанных подходов в той или иной степени придают значение культивированию космополитических добродетелей, однако последние обычно не являются ключевым элементом соответствующей модели.

Мы постараемся показать, что развиваемые в рамках каждого из этих подходов модели сталкиваются с принципиальными трудностями в контексте идеала демократии. Поэтому подлинно демократическая модель решения глобальных проблем должна предполагать синтез концепций, сложившихся в западной науке, в единую теоретическую модель, включающую как формирование надгосударственных органов власти, так и развитие межгосударственного договорного сотрудничества, всемирного гражданского общества и космополитических добродетелей.

Следует учитывать, что сегодня понятие демократии зачастую используется в качестве синонима всего хорошего. На некорректность подобной оценки указывают разные авторы (Данн, 2016, с. 12–13; Магун, 2015, с. 8). Поэтому для конкретизации цели настоящей статьи отметим, что под демократией нами будет пониматься сочетание двух фундаментальных принципов – коллективного самоуправления и политического равенства. Применительно к глобальному уровню это должно означать, что демократическим является такое решение, которое так или иначе обусловлено волей населения планеты (выраженного как непосредственно, так и опосредованно), и при этом каждый ее житель имеет равный уровень возможностей политического участия.

Результаты исследования

Какими могут быть демократические формы решения глобальных проблем? На первый взгляд, каждое государство могло бы само предпринимать некоторые

действия в индивидуальном порядке. В этом случае задача демократизации форм решения глобальных проблем стояла бы только применительно к национальному уровню. Но особенность этих проблем как раз в том, что для их решения требуется сотрудничество, выстраивание взаимных договоренностей. Без них односторонние действия попросту неэффективны. К тому же во многих случаях государства сталкиваются с «проблемой безбилетника»: им невыгодно нести издержки по решению общих проблем, пока такие же издержки не будут нести другие. Причем государства, которые вдруг решат пожертвовать национальными интересами во имя глобальных, в каком-то смысле уже не могут называться демократическими, потому что пренебрегают интересами собственного народа (Гранин, 2012, с. 12). Между тем задача заключается в том, чтобы найти именно демократические формы решения глобальных проблем. С учетом изложенного данная статья будет посвящена лишь таким формам, которые не сводятся к самостоятельным действиям отдельных государств (не согласованным с международным сообществом), но при этом претендуют на демократичность.

Межгосударственное договорное сотрудничество. В первую очередь государства могли бы заключать друг с другом двух- или многосторонние соглашения по тем или иным вопросам, связанным с глобальной повесткой. В той мере, в которой данные государства сами являются демократическими, такая политика, на первый взгляд, отвечала бы принятым критериям демократичности. Так, У. Бек делает ставку на развитие международного сотрудничества и горизонтальных связей в противовес построению глобальных публичных институтов и вертикальных связей (Бек, 2001). Р. Кохан указывает на то, что международные институты должны стать более прозрачными и представительными (плюралистическими) (Keohane, 1998). С точки зрения указанных авторов, глобальная демократия – это прежде всего сеть межгосударственных соглашений по различным вопросам, добровольность заключения которых подспудно рассматривается как признак их демократичности.

Однако этот путь связан с принципиальными трудностями. В частности, Т. Кристиано показывает, что статус международных договоров следует отличать от статуса частноправовых контрактов. В последнем случае мы обычно имеем публичную сферу, ограничивающую свободу сторон договора преследовать свой корыстный интерес, если это затрагивает интересы третьих лиц или общества в целом. В случае же международных договоров нет никакой стоящей над отдельными государствами публичной сферы (Christiano, 2012, pp. 86–91). Кроме того, в частном праве обычно принимается во внимание не только формальное согласие сторон, но также и неравенство их переговорных возможностей («сильная сторона» способна недобросовестно извлекать выгоду из своего положения, действуя в ущерб «слабой стороне»), в то время как на международном уровне отсутствуют механизмы борьбы с подобным неравенством. Э. Макгрю, в свою очередь, констатирует, что само по себе сотрудничество государств на основе принципов плюрализма, прозрачности и ответственности не способно решить проблему демократического дефицита в условиях глобализации, поскольку существуют «структурные неравенства в распределении власти в глобальной системе» (Макгрю, 2008, с. 179). Действительно, если в национальных право-

порядках обычно защищается «слабая сторона» договора, то в международном праве аналогов такого регулирования нет.

Таким образом, даже в идеале система международных договоров в отсутствие надгосударственной публичной власти не является справедливым положением дел (не говоря уже о том, что не всякое государство, заключая такой договор, отстаивает интересы собственного народа, и зачастую отсутствуют действенные способы принуждения государства к выполнению соглашений). Справедливой эта система была бы при выполнении следующих условий: 1) соглашения одних государств не оказывали бы негативного влияния на положение других государств, не участвующих в соглашении (это явно не случай глобализации); 2) отсутствовало бы неравенство переговорных возможностей (в то время как сегодня имеется явное неравенство между Севером и Югом); 3) все соглашения выполнялись бы добровольно. Таким образом, мы видим, что даже если государства добровольно заключают и выполняют договоры, участвуя тем самым в решении глобальных проблем, это потенциально недемократический способ.

Предположим, однако, что государства согласились честно сотрудничать, причем исключительно на началах укрепления внутренней демократии, и в конечном счете им удалось добиться формирования глобальной системы, при которой суверенные демократические государства в условиях баланса сил успешно встречают вызовы негосударственных субъектов. Если при этом речь не идет о каких-то совершенно фантастических вариантах, то мы должны признать, что сегодня правительства все чаще принимают решения, затрагивающие интересы далеко не только своих граждан: границы между внутренним и внешним стираются, число трансграничных проблем растет, а «фундаментальные процессы правления ускользают от описания их в категориях национального государства» (Оглезнев, 2010, с. 60). Таким образом, взаимозависимость между демократическими государствами в любом случае остается. Но именно в этом и состоит угроза традиционному пониманию демократии: когда народы вынуждены постоянно реагировать на решения, принимаемые не ими, но существенно влияющие на них, вряд ли можно говорить о подлинном самоуправлении. Например, если представить, что решение, принятое свободно народом одной страны, существенно влияет на все остальные страны, то вряд ли можно говорить, что данное решение принято демократически, ведь подавляющее большинство лиц, на которых оно сказывается, было исключено из процесса его принятия и вынуждено реагировать лишь постфактум. Вот почему не столь важно, является государство, чьи действия имеют глобальные последствия, демократическим или недемократическим: сам факт глобального влияния представляет собой угрозу демократическому идеалу. Отсюда, как мы полагаем, защита демократии на глобальном уровне должна означать согласование интересов не государств (пусть даже и демократических), а людей. Это актуализирует создание надгосударственных союзов, в которых право голоса каждого из государств будет зависеть, во-первых, от численности его населения, во-вторых, от степени репрезентативности его власти. По крайней мере, в этом шаге можно увидеть один из способов преодолеть некоторые недостатки, связанные с недемократичностью способов решения глобальных проблем.

Создание надгосударственных публично-властных структур. Мы должны рассмотреть возможность создания надгосударственной публичной власти,

которая помогала бы решать общие проблемы демократически. Теоретически такая власть может помочь преодолеть вышеуказанные дисбалансы договорных отношений государств. Вопрос еще и в том, возможна ли вообще на глобальном уровне демократия в форме надгосударственных публично-властных структур (т. е. могут ли такие структуры в принципе быть демократическими). Известным скептиком в этом отношении являлся Р. Даль, который утверждал, что при любом раскладе «международные системы будут находиться ниже любого разумного порога демократии» (Dahl, 1999, p. 21) в силу своего размера, специфики разрешаемых ими проблем, а также гетерогенности затронутых интересов. Данный скептицизм подкрепляется тезисом А. Хиршмана, что наряду с демократией источником легитимации власти в организации является простота выхода из данной организации (Хиршман, 2009). А поскольку в глобальном масштабе «выход» невозможен, мировое правительство обязано быть даже более демократическим, чем государство.

Между тем аргументы Р. Даля не вполне убедительны. Следует признать, что даже в отношении многих внутригосударственных проблем мы получаем информацию лишь из СМИ и других посредников, т. е. удаленно. Кроме того, граждане не всегда проявляют интерес к подобным проблемам, а их разрешение зачастую требует специальных познаний, что снижает возможность контроля власти со стороны граждан. Даже в рамках одного государства широкомасштабное обсуждение проблем сталкивается с ограничениями, вызванными численностью населения и размером территории, а успешное функционирование государственного механизма – с необходимостью формирования общей «воображаемой» идентичности. Наконец, крайняя гетерогенность интересов возможна в любой, даже самой малой социальной группе (например, в семье). Таким образом, международные дела с точки зрения возможностей народовластия на самом деле не всегда значимо отличаются от внутригосударственных. В той мере, в которой мы все еще считаем внутригосударственную демократию возможной, мы могли бы попытаться реализовать и надгосударственную демократию.

Не следует преувеличивать и дихотомию «выхода» и «голоса» по Хиршману, поскольку существует гораздо больше двух подлежащих учету факторов, влияющих на приемлемость (в том числе легитимность) властных структур. Мы лишь должны иметь в виду, что с увеличением масштабов власти усиливаются и последствия злоупотребления ею. Однако известны и механизмы, которые могли бы воспрепятствовать такому злоупотреблению (например, при голосовании во «всемирном парламенте» правило квалифицированного большинства или право вето, предоставленное меньшинствам, могут помочь сохранить статус-кво, т. е. по крайней мере реализовать принцип «не навреди», одновременно сохранив возможность принятия решений по спорному вопросу на нижестоящих уровнях). Следует заметить, что и в национальных государствах «выход» из-под власти, с которой ты не согласен, далеко не всегда возможен, и не потому, что существует какой-то «железный занавес», а потому, что тебя нигде не ждут. Например, те россияне, которые в 2022 г. пытались уклониться от мобилизации, зачастую депортировались обратно в Россию из якобы свободных западных стран и якобы дружественных постсоветских стран. Да и те, кому не грозит мобилизация, но кто просто хочет переехать жить в другую страну, сталкиваются со всеми

проблемами релокации. В целом по многим причинам ни одна из стран не желает массового наплыва иностранцев. Поэтому опции «выхода» по Хиришману для большинства населения (за исключением наиболее высококвалифицированных специалистов, а также дистанционных работников) практически нет и сейчас.

Важно и то, что, высказывая сомнения относительно над- и межгосударственной демократии, Даль не отрицает значение международных систем для решения тех или иных проблем, но предлагает рассматривать их как «бюрократические системы ведения переговоров» (Dahl, 1999, p. 33), и поэтому призывает лишь принимать во внимание издержки, связанные с недемократичностью этих систем. Таким образом, даже те, кто скептически относится к демократизации надгосударственных систем, считают их в некоторой степени необходимыми.

С учетом изложенного полагаем, что в целом глобальная демократия в виде надгосударственных публично-властных структур теоретически возможна, пусть сегодня эта идея и не столь популярна. В 1990-е гг. и в начале 2000-х гг., когда эта идея была более востребованной, ученые создали множество концепций надгосударственного демократического порядка (т.е. идеальных моделей глобальной демократии, подразумевающих создание некоторого мирового правительства). Одни из самых известных авторов – Д. Хелд (Held, 1995) и Д. Аркибуджи (Archibugi, 2012). Меньшее внимание получил проект О. Хёффе (Höffe, 2002), хотя, как представляется, он весьма убедителен. Немецкий философ обосновывает нормативный идеал всемирной федеративной республики, которая будет субсидиарно дополнять локальные, региональные, национальные, континентальные и межгосударственные структуры. Чего не хватает проекту Хёффе, так это анализа кризиса существующих национальных представительных демократий. Действительно, сегодня многие ученые и политики сходятся во мнении, что демократические институты пребывают в состоянии кризиса. Но при этом предлагается и множество решений, чтобы этот кризис преодолеть. Одна из очевидных тенденций – акцент на совещательных аспектах, а также попытки дополнить или даже заменить выборные органы органами, сформированными путем случайных жеребьевок. Такие проекты разработаны и применительно к глобальной демократии (Dryzek et. al., 2011).

Как бы мы ни относились к различным проектам создания надгосударственных демократических органов публичной власти, предложенным в свое время западными учеными, представляется необходимым исходить из следующего. Во-первых, глобальные проблемы есть, и их надо решать. Во-вторых, решения должны приниматься демократически. В-третьих, данные проблемы сложно решать исключительно на национальном уровне, поэтому всегда нужно иметь в виду такие варианты, как межгосударственное сотрудничество путем заключения договоров и создание надгосударственной публичной власти. Каждый из этих вариантов имеет определенные плюсы и минусы, в том числе в плане воплощения идеала демократии. При этом сложно сказать, какой именно из вариантов будет в целом эффективнее, поскольку это зависит от множества факторов, в том числе от действий и решений политических лидеров по всему миру. Представляется, что лучшее решение глобальных проблем человечества можно найти только путем постепенной апробации, а для этого в первую очередь нужна политическая воля.

Всемирное гражданское общество. Необходимо также рассмотреть возможные ответы на вызовы глобализации, не связанные с публично-властными структурами.

Одним из наиболее известных авторов, отстаивающих неинституциональные решения, является Дж. Драйзек. Он рассматривает возможность демократизации существующего мирового порядка не путем создания каких-либо меж- или надгосударственных публичных органов – нового «аппаратного обеспечения» (hardware), правительства (government), а путем рефлексивного децентрализованного контроля, который подразумевает «программное обеспечение» (software) и управление (governance), за содержанием и балансом существующих в глобальном масштабе «дискурсов», т. е. концепций и категорий, обеспечивающих основу для понимания тех или иных проблем (например, рыночный либерализм и устойчивое развитие, исламский радикализм и права человека и т. п.) (Dryzek, 1999). Указанный контроль должен осуществляться коммуникативно, а не стратегически, что отличает его от «войны идей» и «мягкой силы» (Dryzek, 2006). В этом заключается идеал транснациональной дискурсивной демократии, которая теоретически может существовать вообще без каких-либо надгосударственных институтов, но тесно связана с развитием транснационального гражданского общества. По мнению Драйзека, данный идеал не противоречит идеалу космополитической демократии, скорее, параллелен ему, поскольку иначе расставляет акценты, но при этом имеет больше шансов на осуществление.

Вопрос о шансах идеала транснациональной дискурсивной демократии на осуществление, конечно, не так однозначен. Против Драйзека здесь говорит, например, то, что современные коммуникативные технологии во многом способствуют лишь сегментации «интерсубъективно разделяемого мира», а не его расширению (Хабермас, 2001, с. 219–220). Но для нашего исследования важны не столько частные проблемы, которые могут возникнуть на практике, сколько принципиальные ограничения с точки зрения идеала демократии. И здесь необходимо отметить, что ставка в решении глобальных проблем на институты всемирного гражданского общества в виде международных неправительственных организаций и общественных движений (энвайроментализм, феминизм, пацифизм и др.) сталкивается с теми же проблемами, что и ставка на межгосударственное сотрудничество: всемирному гражданскому обществу, как и совокупности государств, недостает публичной власти. Так, классическое воззрение на гражданское общество исходит из того, что хотя оно и обособлено от государства и часто противостоит ему, все же тесно связано с ним и даже существует благодаря ему. На международном же уровне отсутствует публичная власть, аналогичная государству, в связи с чем нет инстанции, сохраняющей баланс интересов различных институтов глобального гражданского общества. Влияние таких институтов – лишь один из аспектов глобальной «войны всех против всех», а не воплощение идеала демократии. Восхваляемая Драйзеком коммуникативная власть может оказать попросту недостаточно сильной для контроля за балансом различных дискурсов, в связи с чем потребуются некие «некоммуникативные» авторитеты (Макгрю, 2008, с. 186). Современные исследования показывают, например, что «участие организаций гражданского общества в разработке глобальной политики является неравным, выборочным, ограниченным и поверхностным... Аналогичным об-

разом, механизмы внешней подотчетности (таких организаций. – Н.Ш.) перед заинтересованными сторонами, как правило, используются недостаточно или неравномерно. Более того... организации гражданского общества часто сами имеют слабый демократический мандат» (Tallberg & Uhlin, 2012, p. 227).

Сказанное, конечно, не означает, что мы не должны развивать глобальное гражданское общество. Однако необходимо помнить, что пока не созданы независимые инстанции, обеспечивающие баланс интересов, такое общество само является, скорее, воплощением проблемы, с которой сталкивается демократия в эпоху глобализации, чем демократическим способом решения глобальных проблем. Развитие глобального гражданского общества имеет значение лишь в тесной связи с такими независимыми инстанциями. Именно поэтому, если и возлагать какие-либо надежды на общественные движения, то как раз на движения в поддержку космополитической (надгосударственной) демократии. В свою очередь, недостаток демократического мандата у институтов гражданского общества актуализирует две характеристики, которым должны соответствовать такие институты: во-первых, некоммерческие цели; во-вторых, демократический характер их внутренней организации.

Кроме того, говоря о развитии глобального гражданского общества, нельзя забывать, что гражданское общество может быть поддержкой не только демократической, но и тоталитарной власти (Хоффманн, 2017, с. 118). В недемократических странах институты гражданского общества зачастую выступают в качестве фасада демократии для получения международной помощи, а также инструментом управления протестными настроениями и нейтрализации оппозиции (Бедерсон, 2019, с. 180). Поэтому крайне важно различать институты гражданского общества, организованные «снизу», и те, что организованы «сверху» (Иванов, 2010). В контексте взаимосвязи демократии и глобализации это имеет значение потому, что сегодня ряд международных неправительственных организаций фактически «приручены» западными правительствами, транснациональными компаниями, глобальными финансовыми институтами, и в значительной степени обеспечивают интересы своих покровителей (Kaldor, 2003).

Все вышеуказанное говорит о том, что развитие всемирного гражданского общества может рассматриваться только как дополнение к институциональному строительству, как один из гарантов глобальной демократии, а не ее воплощение.

Космополитические добродетели и идентичность. Следует отметить, что неинституциональные пути демократизации в условиях глобализации не сводятся к формированию и регламентации соответствующих дискурсов. Один из важнейших путей состоит в развитии космополитической идентичности и космополитических добродетелей. Существует немало скептиков по данному вопросу. Однако целый ряд факторов – во-первых, существование глобальных проблем, требующих неотложного решения; во-вторых, наличие общих ценностей (например, права человека), сформированных по результатам общего исторического опыта (мировые войны); в-третьих, накопленный опыт взаимодействия культур и связанное с ним возрастание популярности понимания нации как гражданской (civitas), а не этнической (gens) сущности, а государственных границ – как исторической случайности; в-четвертых, наличный опыт межгосударственного сотрудничества и надгосударственного строительства, а также возможность учреждения глобаль-

ных демократических институтов (например, всемирного парламента) – в совокупности создают базу общечеловеческой солидарности, которая необходима для глобального управления¹. К тому же, как отмечает Ю. Хабермас, если глобальная публичная власть ограничивается лишь обеспечением мира и защитой прав человека, то нам достаточно даже слабой глобальной солидарности граждан мира, а вовсе не общей политической культуры, жизненных форм, «сильных» нравственных установок, самоопределения как единого «народа» (Хабермас, 2008, с. 132–133). Впоследствии новые глобальные связи и проблемы могут потребовать большей глобальной солидарности, но к тому времени для нее уже возникнет прочная основа в виде сложившегося опыта наднационального демократического регулирования.

Многие авторы рассматривают космополитизм как подрыв национальной идентичности, на которой держатся современные демократии, однако данный подход нельзя признать верным. М. Нуссбаум, раскрывая историю философии космополитизма, пишет: «Стоики подчеркивают, что превращение в гражданина мира не означает отказа от местных идентификаций, которые зачастую способны серьезно обогащать жизни человека. Они не предлагают считать себя лишенными местных привязанностей; скорее, речь идет о том, что человек окружен рядом концентрических кругов. Первый включает самого человека; следующий – его ближайших родственников; еще один – дальних родственников, затем соседей или местную группу, земляков, соотечественников – и к этим группам легко можно добавить этнические, языковые, исторические, профессиональные, гендерные и сексуальные идентичности. И самый большой круг включает все человечество в целом. Наша задача как граждан мира состоит в том, чтобы «притянуть все эти круги к центру»...» (Нуссбаум, 2006, с. 113–114). Таким образом, космополитическая идентичность не подрывает другие формы идентичности, а дополняет их. Космополитизм представляет собой только один из уровней, на которых должно функционировать наше чувство привязанности и чувство долга. Более того, именно локальные формы идентичности крайне важны, чтобы эффективно претворять общечеловеческие программы в конкретных условиях. В любом случае в настоящее время, когда многие процессы носят транснациональный характер, космополитическая идентичность имеет под собой те же моральные основания, что и национальная.

Заключение

Западными учеными разработано множество разноплановых проектов построения глобальной демократии. Это совсем не обязательно создание какой-то надгосударственной власти: решение глобальных проблем может осуществляться путем развития межгосударственного сотрудничества, глобальных институтов гражданского общества, космополитических добродетелей и идентичности.

¹ Развитие информационно-коммуникационных технологий, обеспечивающих взаимодействие на огромных расстояниях, многие исследователи ставят в этот же ряд. Однако технологии могут использоваться по-разному, и на данный момент мы не склонны оценивать их влияние сугубо положительно.

Исследование показало, что хотя каждый из этих способов может сталкиваться с проблемой соответствия принципам демократии, все они в той или иной форме теоретически возможны. Так, межгосударственное сотрудничество на основе договоров может быть недемократическим даже в тех случаях, когда реализуется между демократическими государствами, а договоры добровольно исполняются. В частности, нарушение демократических стандартов происходит, если содержание договоров затрагивает интересы субъектов, не участвующих в договоре, или если не создаются надлежащие механизмы защиты «слабой стороны» договора. Дискурсы глобального гражданского общества также не могут претендовать на демократический статус до тех пор, пока институты гражданского общества не будут удовлетворять определенным критериям в части их целей и внутренней структуры, а также уравниваться демократической публичной властью, поддерживающей баланс между различными гражданскими институтами. И надгосударственная публичная власть может оказаться недемократической, поскольку контроль со стороны населения осуществлять в глобальных масштабах сложнее, чем в национальных.

Вместе с тем даже наш сугубо теоретический анализ показывает, что и межгосударственное договорное взаимодействие, и институты глобального гражданского общества во многом нуждаются в надгосударственной власти, поскольку она потенциально способна усилить их. Тем более, что на уровне отдельных государств соответствующие механизмы в условиях глобализации дают сбой. Сегодня государства, безусловно, не горят желанием ограничивать или уступать свой суверенитет, но проблема как раз в том, что глобальные проблемы могут сделать этот суверенитет уязвимым и без всякой надгосударственной власти (Хабермас, 2001, с. 199). Особую роль в размытии государственного суверенитета играет экономическая глобализация, которая продолжается, несмотря на мировой финансовый кризис, пандемию коронавируса и военные конфликты (Kuttner, 2018; Wu, 2017, pp. 18–19). Таким образом, в современном мире сохранить суверенитет можно лишь частично отказавшись от него, а сохранить демократию – только продвинув ее идеалы на глобальный уровень. Как отмечал турецкий экономист Д. Родрик, «нельзя одновременно поддерживать демократию, национальное самоопределение и экономическую глобализацию» (Родрик, 2014, с. 71). И здесь важным является другой наш теоретический вывод, согласно которому глобальная демократия, вопреки известному мнению Р. Даля, не является принципиально невозможной. Поскольку межгосударственное договорное взаимодействие и развитие институтов гражданского общества нуждается в надгосударственной власти, а последняя, в свою очередь, принципиально может быть демократической, все указанные модели решения глобальных проблем следует рассматривать во взаимосвязи.

Таким образом, общий вывод может быть сформулирован следующим образом. В западной науке разработано множество различных моделей глобальной (космополитической, транснациональной и прочей) демократии. Одни делают акцент на межгосударственном сотрудничестве, другие – на создании надгосударственных публично-властных структур, на формировании глобального гражданского общества или на развитии космополитических добродетелей. Все эти модели имеют право на существование, однако принципиальные трудности, с которыми они могут сталкиваться в плане реализации демократического идеала,

склоняют нас к тому, что демократическое решение глобальных проблем, по всей видимости, достигается лишь одновременным воплощением указанных моделей на практике в том или ином их сочетании. В разработке соответствующей комплексной теоретической модели глобальной демократии и видится дальнейшая задача политической науки.

Список литературы

1. Бедерсон, В.Д. (2019). Гражданские ассоциации как гаранты демократии и не только: история ассоциаций и их политической роли в транснациональной перспективе. *Ars Administrandi (Искусство управления)*, 11(1), 176–183. <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2019-1-176-183>
2. Бек, У. (2001). *Что такое глобализация?* М.: Прогресс-Традиция.
3. Бузгалин, А.В. (2008). Альтерглобализм: в поисках позитивной альтернативы новой империи. *Век глобализации*, (1), 120–127.
4. Гранин, Ю.Д. (2012). «Глобальное гражданство» или «глобальный этос»? *Новое в психолого-педагогических исследованиях*, (2), 7–17.
5. Данн, Дж. (2016). *Не очаровываться демократией*. М.: Издательство Института Гайдара.
6. Иванов, В.Г. (2010). Глобальное гражданское общество: становление нового актора мировой политики. Часть 1. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*, (4), 106–115.
7. Магун, А.В. (2015). *Демократия, или Демон и Гегемон*. СПб.: Издательство Европейского университета.
8. Макгрю, Э. (2008). Транснациональная демократия: теории и перспективы. *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*, (2), 174–199.
9. Нуссбаум, М. (2006). Патриотизм и космополитизм. *Логос*, (2), 110–119.
10. Оглезнев, В.В. (2010). *Глобализация и государство: анализ социальной онтологии*. Томск: Издательство ЦНТИ.
11. Родрик, Д. (2014). Парадокс глобализации: демократия и будущее мировой экономики. *Экономическая социология*, 15(2), 65–75.
12. Хабермас, Ю. (2001). *Вовлечение другого. Очерки политической теории*. СПб.: Наука.
13. Хабермас, Ю. (2008). *Расколотый Запад*. М.: Весь Мир.
14. Хиршман, А.О. (2009). *Выход, голос и верность. Реакция на упадок фирм, организаций и государств*. М.: Новое издательство.
15. Хоффманн, Ш.-Л. (2017). *Социальное общение и демократия: ассоциации и гражданское общество в транснациональной перспективе, 1750–1914*. М.: Новое литературное обозрение.
16. Anderson, J. (Ed.). (2002). *Transnational democracy. Political spaces and border crossings*. London, New York: Routledge.
17. Archibugi, D. (2012). From peace between democracies to global democracy. In D. Archibugi, M. Koenig-Archibugi, & R. Marchetti (Eds.), *Global democracy: Normative and empirical perspectives* (pp. 254–273). Cambridge: Cambridge

University Press.

18. Christiano, Th. (2012). Is democratic legitimacy possible for international institutions? In D. Archibugi, M. Koenig-Archibugi, & R. Marchetti (Eds.), *Global democracy: Normative and empirical perspectives* (pp. 69–95). Cambridge: Cambridge University Press.

19. Dahl, R. (1999). Can international organizations be democratic? A skeptical view. In I. Shapiro, & C. Hacker-Cordon (Eds.), *Democracy's edges* (pp. 19–36). Cambridge: Cambridge University Press.

20. Dryzek, J.S. (1999). Transnational democracy. *The Journal of Political Philosophy*, 7(1), 30–51. <https://doi.org/10.1111/1467-9760.00064>

21. Dryzek, J.S. (2006). Transnational democracy in an insecure world. *International Political Science Review*, 27(2), 101–119. <https://doi.org/10.1177/0192512106061421>

22. Dryzek, J.S. (2008). Two paths to global democracy. *Ethical Perspectives*, 15(4), 469–486. <http://dx.doi.org/10.2143/EP.15.4.2034392>

23. Dryzek, J.S., Bächtiger, A., & Milewicz, K. (2011). Toward a deliberative global citizens' assembly. *Global Policy*, 2(1), 33–42. <https://doi.org/10.1111/j.1758-5899.2010.00052.x>

24. Held, D. (1995). *Democracy and the global order. From the modern state to cosmopolitan governance*. Stanford: Stanford University Press.

25. Höffe, O. (2002). *Demokratie im Zeitalter der Globalisierung*. München: Beck.

26. Kaldor, M. (2003). The idea of global civil society. *International Affairs*, 79(3), 583–593. <http://dx.doi.org/10.1111/1468-2346.00324>

27. Keohane, R.O. (1998). International institutions: Can interdependence work? *Foreign Policy*, (110), 82–96.

28. Kuttner, R. (2018). *Can democracy survive global capitalism*. London, New York: W.W. Norton & Company.

29. Tallberg, J., & Uhlin, A. (2012). Civil society and global democracy: An assessment. In D. Archibugi, M. Koenig-Archibugi, & R. Marchetti (Eds.), *Global democracy: Normative and empirical perspectives* (pp. 210–232). Cambridge: Cambridge University Press.

30. Wu, G. (2017). *Globalization against democracy. A political economy of capitalism after its global triumph*. Cambridge: Cambridge University Press.

References

1. Anderson, J. (Ed.). (2002). *Transnational democracy. Political spaces and border crossings*. London, New York: Routledge.

2. Archibugi, D. (2012). From peace between democracies to global democracy. In D. Archibugi, M. Koenig-Archibugi, & R. Marchetti (Eds.), *Global democracy: Normative and empirical perspectives* (pp. 254–273). Cambridge: Cambridge University Press.

3. Beck, U. (2001). *Что такое глобализација? [What is globalization?]*. Moscow: Progress-Tradiciya.

4. Bederson, V.D. (2019). Grazhdanskije asociacii kak garanty demokratii i ne tol'ko: istoriya asociacij i ix politicheskoi roli v transnacional'noj perspektive [Civic associations as a guarantor of democracy and more: The history of associations and their political role in the transnational perspective]. *Ars Administrandi*, 11(1), 176–183. <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2019-1-176-183>
5. Buzgalin, A.V. (2008). Al'terglobalizm: v poiskax pozitivnoj al'ternativy novoj imperii [Alterglobalism: In search of a positive alternative to the new empire]. *Vek globalizacii*, (1), 120–127.
6. Christiano, Th. (2012). Is democratic legitimacy possible for international institutions? In D. Archibugi, M. Koenig-Archibugi, & R. Marchetti (Eds.), *Global democracy: Normative and empirical perspectives* (pp. 69–95). Cambridge: Cambridge University Press.
7. Dahl, R. (1999). Can international organizations be democratic? A skeptical view. In I. Shapiro, & C. Hacker-Cordon (Eds.), *Democracy's edges* (pp. 19–36). Cambridge: Cambridge University Press.
8. Dryzek, J.S. (1999). Transnational democracy. *The Journal of Political Philosophy*, 7(1), 30–51. <https://doi.org/10.1111/1467-9760.00064>
9. Dryzek, J.S. (2006). Transnational democracy in an insecure world. *International Political Science Review*, 27(2), 101–119. <https://doi.org/10.1177/0192512106061421>
10. Dryzek, J.S. (2008). Two paths to global democracy. *Ethical Perspectives*, 15(4), 469–486. <http://dx.doi.org/10.2143/EP.15.4.2034392>
11. Dryzek, J.S., Bächtiger, A., & Milewicz, K. (2011). Toward a deliberative global citizens' assembly. *Global Policy*, 2(1), 33–42. <https://doi.org/10.1111/j.1758-5899.2010.00052.x>
12. Dunn, J. (2016). *Ne ocharovyvat'sya demokratiej* [Breaking democracy's spell]. Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gajdara.
13. Granin, Yu.D. (2012). "Global'noe grazhdanstvo" ili "global'nyj e'tos"? ["Global citizenship" or "global ethos"?]. *Novoe v psixologo-pedagogicheskix issledovaniyax*, (2), 7–17.
14. Habermas, J. (2001). *Vovlechenie drugogo. Oчерki politicheskoi teorii*. [The inclusion of the other: Studies in political theory]. Saint Petersburg: Nauka.
15. Habermas, J. (2008). *Raskolotyj Zapad* [The split West]. Moscow: Ves' Mir.
16. Held, D. (1995). *Democracy and the global order. From the modern state to cosmopolitan governance*. Stanford: Stanford University Press.
17. Hirschman, A.O. (2009). *Vыход, golos i vernost'. Reakciya na upadok firm, organizacij i gosudarstv* [Exit, voice, and loyalty. Responses to decline in firms, organizations, and states]. Moscow: Novoe izdatel'stvo.
18. Höffe, O. (2002). *Demokratie im Zeitalter der Globalisierung* [Democracy in an age of globalisation]. München: Beck.
19. Hoffmann, S.-L. (2017). *Social'noe obshhenie i demokratiya: asociacii i grazhdanskoe obshhestvo v transnacional'noj perspektive, 1750–1914* [Social communication and democracy: Associations and civil society in a transnational perspective, 1750–1914]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
20. Ivanov, V.G. (2010). *Global'noe grazhdanskoe obshhestvo: stanovlenie novogo aktora mirovoj politiki. Chast' 1* [Global civil society: The formation of the new

actor of world politics. Part 1]. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Politologiya*, (4), 106–115.

21. Kaldor, M. (2003). The idea of global civil society. *International Affairs*, 79(3), 583–593. <http://dx.doi.org/10.1111/1468-2346.00324>

22. Keohane, R.O. (1998). International institutions: Can interdependence work? *Foreign Policy*, (110), 82–96.

23. Kuttner, R. (2018). *Can democracy survive global capitalism*. London, New York: W.W. Norton & Company.

24. Magun, A.V. (2015). *Demokratiya, ili Demon i Gegemon* [Democracy, or the demon and the hegemon]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta.

25. McGrew, A. (2008). Transnacional'naya demokratiya: teorii i perspektivy [Transnational democracy: Theories and prospects]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya*, (2), 174–199.

26. Nussbaum, M. (2006). Patriotizm i kosmopolitizm [Patriotism and cosmopolitanism]. *Logos*, (2), 110–119.

27. Ogleznev, V.V. (2010). *Globalizaciya i gosudarstvo: analiz social'noj ontologii* [Globalization and the State: An analysis of social ontology]. Tomsk: Izdatel'stvo CNTI.

28. Rodrik, D. (2014). Paradoks globalizacii: demokratiya i budushhee mirovoj e'konomiki [The globalization paradox: Democracy and the future of the world economy]. *E'konomicheskaya sociologiya*, 15(2), 65–75.

29. Tallberg, J., & Uhlin, A. (2012). Civil society and global democracy: An assessment. In D. Archibugi, M. Koenig-Archibugi, & R. Marchetti (Eds.), *Global democracy: Normative and empirical perspectives* (pp. 210–232). Cambridge: Cambridge University Press.

30. Wu, G. (2017). *Globalization against democracy. A political economy of capitalism after its global triumph*. Cambridge: Cambridge University Press.

Информация об авторе

Николай Александрович Шавеко, кандидат юридических наук, старший научный сотрудник, Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5481-7425>, e-mail: shavekonikolai@gmail.com

Information about the author

Nikolai Alexandrovich Shaveko, Candidate of Juridical Sciences, Senior Researcher, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5481-7425>, e-mail: shavekonikolai@gmail.com